

О.В. Качалова, В.И. Качалов

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО И ОСОБЫЙ ПОРЯДОК СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: ЕСТЬ ЛИ КОЛЛИЗИЯ?

Рассматриваются особенности реализации права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное Европейской конвенцией, применительно к особому порядку рассмотрения дела. Авторы приходят к выводам о том, что право на справедливое судебное разбирательство не будет нарушено, если отказ от полноценного судебного разбирательства носит добровольный и осознанный характер и соответствует публичным интересам, а также при условии соблюдения в ходе судебного производства по делу важнейших прав обвиняемого.

Ключевые слова: право на справедливое судебное разбирательство; особый порядок судебного разбирательства; состязательность уголовного судопроизводства; отказ от права; презумпция невиновности; Европейская конвенция по правам человека.

Право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное ст. 6 Европейской конвенции о правах человека, детерминирует сущностное построение всей системы уголовного судопроизводства, позволяющей обеспечить такие права участников уголовного судопроизводства, как доступ к суду, включая право на вынесение судом мотивированного решения, право на независимый суд, право на квалифицированную юридическую помощь, право на разумный срок уголовного судопроизводства, право на справедливое и публичное слушание дела в суде в присутствии обвиняемого, равноправие сторон, презумпцию невиновности, правовую определенность, право на доступ к информации, право на допрос ключевых свидетелей, право на безвозмездную помощь переводчика, право иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите, право на состязательную процедуру рассмотрения дела и т.д.

Наличие этих прав формирует у должностных лиц, ответственных за производство по уголовному делу, корреспондирующие обязанности, направленные на создание условий для реального обеспечения и реализации этих прав, а также предполагает необходимость соблюдения при осуществлении своей деятельности не только норм уголовно-процессуального закона, положений Конституции, но и требований Европейской конвенции в части, затрагивающей данные права.

О.И. Андреева и Т.В. Трубникова справедливо отмечают, что тенденцией развития уголовно-процессуального законодательства России являются последовательная реализация принципа состязательности, расширение процессуальных возможностей участников уголовного судопроизводства, поскольку активное противоборство спорящих сторон является и должно являться наиболее эффективным способом достижения целей уголовного процесса. Реализация прав и исполнение обязанностей сторонами, отстаивающими частные и публичные интересы, влияют на принятие судом законного и обоснованного решения по делу [1. С. 194].

Понятие справедливого судебного слушания предполагает наличие состязательного процесса, возможность обвинения и защиты получать доступ к информации и иметь возможность комментировать приобщенные к делу замечания и представленные другой стороной доказательства. Для обеспечения справед-

ливости судебного разбирательства очень важна оценка данных доказательств с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности всех доказательств в совокупности для разрешения дела. В то же время, при оценке справедливости судебного разбирательства, в целом имеют значение характер допущенных доказательств и способ, которым они были получены.

Ст. 6 Европейской конвенции предполагает, что все доказательства должны быть представлены в присутствии обвиняемого на публичном слушании, где они могут быть оспорены в ходе состязательной процедуры (*Barbera, Messegue and Jabardo v. Spain: Постановление Европейского суда по правам человека от 06 декабря 1988 г.*). Справедливое слушание также включает в себя возможность опросить свидетелей и прокомментировать их показания, являющиеся аргументами в деле (*Bricmont v Belgium: Постановление Европейского суда по правам человека от 7 июля 1989 г.*). Право на справедливое судебное разбирательство предполагает, в том числе, предоставление каждой стороне соответствующих возможностей изложения своих доводов, включая доказательства, на условиях, которые не представляют сторону в более невыгодном свете, чем оппонента (*Neumeister v Austria: Постановление Европейского суда по правам человека от 27 июня 1968 г.*). Это также означает, что противоположная сторона не должна иметь дополнительных возможностей для представления своей точки зрения в отсутствие обвиняемого или тяжущегося.

Возникает вопрос о том, не нарушается ли право на справедливое судебное разбирательство при рассмотрении уголовного дела в упрощенном порядке (гл. 40 УПК РФ).

Формирование предпосылок для упрощения уголовного судопроизводства осуществляется на трех уровнях: наднациональном (выработка стандартов оптимизации, соответствующих мировоззренческим ценностям современного общества в контексте идей гуманизма, демократизма, справедливости, нашедшим отражение в Европейской конвенции по правам человека), национальном (соответствие процедур, формируемых в процессе рационализации, задачам защиты прав человека в соответствии с культурными и социально-историческими особенностями конкретного государства, уровнем его общественного разви-

тия) и отраслевом (определение пределов допустимых процедурных упрощений в уголовном процессе).

Основными признаками особого порядка судебного разбирательства выступают сокращение процесса доказывания (существенное сокращение этапа судебного следствия); отказ обвиняемого от полноценной судебной процедуры рассмотрения дела; инспирированность исключительно лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование; специфичность реализации идей состязательности уголовного судопроизводства и действия ряда принципов уголовного судопроизводства.

Дополнительными признаками являются лояльность к предъявленному обвинению (согласие с предъявленным обвинением при заявлении ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке); неконфронтационность (в основе ускоренных производств лежит идея социального компромисса); эвентуальность (возможность реализации данного вида ускоренного производства лишь при совокупности определенных условий); приближение момента реализации наказания к совершенному преступлению; достижение компромисса, сглаживание противоречий уголовно-правового конфликта в ходе производства по уголовным делам) [2. С. 24–28]. При определенных условиях публичный интерес, заключающийся в процессуальной экономии, сокращении временных, финансовых, технологических и иных затрат при расследовании и разрешении уголовных дел (идея экономии усилий общества и государства), начинает превалировать над идеей полноценного производства (в полном объеме с предоставлением всех процессуальных гарантий и возможностей участникам соответствующих производств) по уголовным делам. В основе особого порядка судебного разбирательства лежит принцип состязательности с присущим ему разделением процессуальных функций. По сути данный принцип является фундаментом, на котором выстроена данная процессуальная форма. В упрощенном виде формула особого порядка судебного разбирательства может быть выражена следующим образом: отсутствие спора сторон обвинения и защиты в условиях состязательного процесса при разделении процессуальных функций при определенных условиях влечет за собой констатацию судом факта никем не оспариваемой и не вызывающей сомнений виновности лица в совершении преступления и назначение наказания. Положение об обеспечении судебной защиты прав и свобод личности в уголовном процессе, вытекающее из права на справедливое судебное разбирательство, действует в ускоренном производстве, к которому относится особый порядок судебного разбирательства, с ограничениями:

– рассматривая дело в особом порядке, суд не исследует фактические обстоятельства дела (ч. 5, ст. 316 УПК РФ). В такой ситуации объектом судебной защиты могут выступать лишь процессуальные права участников судебного разбирательства, но не их фактические правовые интересы;

– возможность проверки и пересмотра судебного решения, принятого в особом порядке, ограничена:

обжалование в апелляционном и кассационном порядке принятого решения ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела не допускается (ст. 317 УПК РФ).

Принцип презумпции невиновности действует применительно к особому порядку судебного разбирательства с некоторыми изъятиями. Этот вопрос уже неоднократно поднимался учеными-процессуалистами [3. С. 13–19; 4. С. 72–76; 5. С. 9], ряд которых полагает, что применительно к особому порядку судебного разбирательства презумпция невиновности вообще не действует [6]. Решать вопрос о соответствии процессуальной конструкции особого производства принципу презумпции невиновности пришлось и Конституционному суду РФ. В одной из жалоб, поданных в Конституционный суд РФ, было указано на то, что рассмотрение дела в особом порядке, по сути, вводит «презумпцию виновности, поскольку обязывает суд постановить обвинительный приговор без исследования фактических обстоятельств дела, проверки собранных по уголовному делу доказательств, их анализа, оценки, а также определения легитимности их получения и фиксации» (*Определение Конституционного суда РФ от 16 июля 2009 г. № 968-О-О*). Конституционный суд РФ опроверг эти выводы, указав, что суд может постановить обвинительный приговор и назначить подсудимому наказание только в том случае, если придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обосновано и подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу. Вместе с тем признать, что презумпция невиновности в равной степени распространяется и на сокращенные, и на обычные формы производства по уголовным делам, вряд ли возможно. В соответствии со ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ лицо считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Особый порядок судебного разбирательства, в основе которого лежит отказ от полноценного доказывания, не отменяет презумпции невиновности в целом, но существенно сокращает и упрощает условия, при которых лицо может быть признано виновным в совершении преступления.

Эта процессуальная форма по сути исключает суд из процесса доказывания по уголовным делам, установление вины судом в этом случае носит во многом формальный характер. Суд может вынести решение в особом порядке, только удостоверившись в том, что обвинение подтверждается собранными по делу доказательствами, однако правовые средства, позволяющие ему прийти к такому выводу, в конструкции особого порядка отсутствуют. Убедиться в обоснованности обвинения суд может только ознакомившись с письменными материалами дела вне судебного заседания в отсутствие сторон вне процедуры исследования доказательств в формате устного, непосредственного и состязательного процесса, что нетождественно исследованию доказательств в ходе судебного следствия [2. С. 127–128]. Вместе с тем доказывание может осуществляться не только на информационном и логическом уровнях, но и на юридическом, когда

наличие или отсутствие определенных обстоятельств обосновывается формально-юридическими средствами доказывания. В этом смысле признание лицом своей вины в совершении преступления – формальное средство доказывания.

Право на мотивированное судебное решение, являющееся неотъемлемой частью ст. 6 Европейской конвенции, специфическим образом реализуется при рассмотрении уголовного дела в особом порядке. Мотивированность традиционно рассматривается юридической наукой как свойство судебного решения, отражающего аргументированные выводы суда об алгоритме принятия судебного решения [8. С. 115]. Юридически полное и системное судебное решение – аргументирующее (убедительное) документальное представление судами своих властных итоговых выводов (заключений) по рассмотренным ими делам [9. С. 15–16]; свойство приговора, которое показывает взаимосвязь между исследованными в суде доказательствами и сделанными на их основе выводами суда [10. С. 30], приведенные в решении установленные обстоятельства и доказательства, на которых основаны выводы, с объяснением, почему одни доказательства приняты, а другие отвергнуты, а также в фактической, логической и правовой аргументации относительно установленных фактов и правовой сущности, в приведении доводов, объясняющих выбор одного из вариантов решения и его целесообразность [11. С. 157–158].

М.В. Беляев, анализируя проблемы мотивированности судебного решения, вынесенного в особом порядке, пишет о том, что решение суда по существу дела основывается только на тех доказательствах, которые собраны органами предварительного расследования без их непосредственного исследования и проверки, что затрудняет обеспечение их полноценной мотивированности; приговор, вынесенный в особом порядке, отличается от приговора, постановленного в рамках ординарной процедуры, с точки зрения характера обоснованности и содержания мотивированности [7. С. 55–60]. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 55 «О судебном приговоре» мотивированность приговора, вынесенного в особом порядке, предполагает удостоверение суда в соблюдении установленных законом условий для постановления такого приговора (обоснованности обвинения, подтвержденности его собранными по делу доказательствами, пониманием подсудимого существа предъявленного ему обвинения и согласия с ним в полном объеме и т.д.), а также для мотивирования изменения квалификации, если она произошла в судебном заседании при изменении обвинения.

Обвиняемый, заявивший ходатайство о рассмотрении его дела в особом порядке, фактически осуществляет отказ от полноценной реализации своего права на справедливое судебное разбирательство. Отказ обвиняемого, чье уголовное дело рассматривается в особом порядке, от полноценных гарантий, предусмотренных ст. 6 Европейской конвенции (мотивированное судебное решение, презумпция невиновности, право на справедливое и публичное слушание дела в суде в присутствии обвиняемого, право на допрос ключевых свидетелей, право на состяза-

тельную процедуру рассмотрения дела), не означает коллизии между процессуальной формой сокращенного порядка рассмотрения дела судом и правом на справедливое судебное разбирательство, поскольку в данном случае мы сталкиваемся с таким явлением, как отказ от права. Как пишет А.С. Гамбарян, отказ от субъективного права проявляется в определенном поведении лица в конкретной ситуации, из чего вытекает, что он не желает реализовать свое субъективное право или отказывается от правовой защиты этого права [12. С. 10].

Отказ от права будет считаться таковым только в случае, если он не является вынужденным и адекватно отражает волю лица, его заявившего. Это означает, что суд, перед тем как рассмотреть уголовное дело в особом порядке, должен убедиться в добровольности и осознанности ходатайства об особом порядке. В этом смысле представляет интерес ст. 506 УПК Молдовы, в соответствии с которой суд перед рассмотрением уголовного дела в упрощенном порядке обязан установить, подвергался ли подсудимый в последнее время лечению по поводу душевного расстройства либо наркотической или алкогольной зависимости; не находится ли он сейчас под воздействием наркотических веществ, лекарств или алкогольных напитков любого рода; удовлетворен ли он качеством юридической помощи, оказываемой его защитником; понимает ли подсудимый последствия рассмотрения дела в таком порядке; не давал ли кто-либо обвиняемому другие обещания или заверения другого рода в целях оказания на него влияния в принятии позиции признания вины по соответствующему делу; не пытался ли кто-либо в любой форме принудить обвиняемого принять позицию о признании вины по соответствующему делу и др. Помимо этого суд, в случае если дело будет рассмотрено в упрощенном порядке, обязательно информирует подсудимого о том, что он сможет обжаловать приговор только в отношении назначенного наказания и нарушения процедурных норм; что он лишается права на рассмотрение дела по полной процедуре с соблюдением презумпции невиновности и т.д.

А.С. Гамбарян совершенно обоснованно полагает, что не всякая личность способна понять, что предоставленное ей субъективное право служит ее же интересам. Такой субъект не вполне свободен в своем выборе нужного варианта поведения. Он может допустить ошибку, отказавшись от реализации своего субъективного права, и причинить вред своим же интересам. В этих случаях общество может и должно прийти гражданину на помощь, добившись реализации субъективного права [12. С. 11].

Исходя из добровольности и осознанности позиции обвиняемого, отказывающегося от полноценной реализации права на справедливое судебное разбирательство, суд должен внимательно подходить к вопросу о возможности рассматривать в особом порядке уголовные дела в отношении лиц, чье состояние здоровья способно существенно повлиять на восприятие обвиняемым объективной реальности, понимание сути особого порядка судебного разбирательства. Это возможно при наличии у обвиняемого некоторых

психических расстройств, алкоголизма, наркомании и т.п. При заявлении ходатайства об особом порядке таким лицом закономерно возникает вопрос: не возникает ли ситуация, условно схожая с «пороками воли» в гражданском праве – соответствует ли истинная воля субъекта его волеизъявлению, адекватен ли сам акт волеизъявления обвиняемого о заявлении ходатайства об особом порядке? При наличии в уголовном деле данных о психическом заболевании обвиняемого, заболевании алкоголизмом или наркоманией рассмотрение уголовного дела в особом порядке, при отсутствии заключения о его состоянии и возможности принимать участие в следственных и иных процессуальных действиях, невозможно. И даже при наличии такого заключения суд в подготовительной части судебного разбирательства в особом порядке обязан лично убедиться в этом, установить, что ходатайство заявлено обвиняемым осознанно, добровольно, лицо осознает последствия заявленного ходатайства [13. С. 8].

С учетом публичности уголовного судопроизводства как сферы разрешения самого острого социального конфликта, порожденного совершением преступления, отказ от права на полноценную реализацию гарантий, предусмотренных Европейской конвенцией, может быть допустим только до определенного предела. Эти пределы в первую очередь определяются назначением уголовного судопроизводства и соотносимостью возможных изъятий с тяжестью совершенных деяний и их общественной опасностью. Как верно отмечает А.С. Гамбарян, общественное требование реализации права – реализация прав человека, его результаты, полезны как для носителя права, так и для всего общества [14. С. 33]. Определяя общественную опасность преступлений, законодатель в ст. 15 УК РФ разделил преступления на категории в зависимости от формы вины и максимального наказания, назначаемого за совершение данного преступления. Аксиоматичной в связи с этим представляется идея о том, что чем более тяжкое совершено преступление, тем строже размер возможного наказания за совершенное преступление и серьезнее иные правовые последствия совершенного деяния, тем более весомыми должны быть гарантии прав участников производства по данному уголовному делу.

Возможность рассмотрения уголовного дела в особом порядке по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях создает дисбаланс в сфере обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, что не соответствует назначению уголовного судопроизводства. Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) неоднократно говорил о необходимости соотношения правовых подходов с культурной средой соответствующего государства и общеевропейскими ценностями [15. С. 90–95]. Российские правовые традиции не предполагают безграничного упрощения уголовного судопроизводства. Упрощение процедуры уголовного судопроизводства не должно ставить под сомнение целесообразность самой рационализации процесса в подобном виде, справедливость принимаемого таким образом судебного решения и подрывать доверие к правосудию в целом.

В связи с этим представляется необходимым поддержать законопроект, внесенный Верховным судом РФ в Государственную думу, в соответствии с которым рассмотрение уголовных дел в особом порядке возможно лишь по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести (*Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации № 8 от 11 апреля 2019 года «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»*).

Интересы рационализации уголовного судопроизводства не должны вступать в конфликт с интересами предоставления лицам, обвиняемым в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, максимально возможного объема процессуальных гарантий, минимизирующих возможность судебной ошибки или вынесения несправедливого приговора.

Еще один важный момент, определяющий отсутствие нарушений права на справедливое судебное разбирательство при рассмотрении уголовного дела в особом порядке, касается соблюдения всех предусмотренных гарантий в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Право на справедливое судебное разбирательство распространяет свое действие на все производство по уголовному делу, возникая на этапах, предшествующих возбуждению уголовного дела. Согласно позиции ЕСПЧ при оценке того, было ли соблюдено данное право, необходимо принять во внимание все производство по делу. Нарушения, допущенные на одной стадии, могут быть восполнены на другой стадии (*Fejde v Sweden: Постановление Европейского суда по правам человека от 29 октября 1991 г.*).

Однако несправедливости, допущенной полицией при расследовании дела по подозрению обвиняемого, может быть достаточно для нарушения ст. 6 (1) Конвенции еще до предъявления лицу обвинения. В деле «Ваньян против России» (*Vanyan v Russia: Постановление Европейского суда по правам человека от 15.12.2005*) ЕСПЧ установил факт нарушения ст. 6 (1) при «контрольной закупке» наркотиков как провокации преступления в целях изобличения не самими органами власти, а третьим лицом, выступавшим в качестве секретного сотрудника, – данное дело было полностью организовано и контролировалось милицией. Рассмотрение уголовного дела в особом порядке лишает суд возможности восстановить нарушенное право в рамках полноценной процессуальной процедуры. Это позволяет сделать вывод о том, что право на справедливое судебное разбирательство при рассмотрении уголовного дела в особом порядке не будет нарушено лишь при условии, что в ходе досудебного производства по делу не допущено существенных нарушений, затрагивающих права обвиняемого.

В связи с этим следует поддержать позицию М.В. Беляева о том, что перед принятием решения о возможности рассмотрения уголовного дела в особом порядке суд должен убедиться, что в ходе досудебного производства по делу не допущено нарушений (включая составленное обвинительное заключение,

обвинительный акт и обвинительное постановление), влекущих возвращение уголовного дела прокурору; отсутствуют основания для прекращения уголовного дела (уголовного преследования); соблюдено ли законодательство об оперативно-розыскной деятельности, из материалов дела усматривается согласие обвиняемого с предъявленным обвинением (признательные показания, ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке и т.д.); в уголовном деле участвовал защитник; обвинение, предъявленное лицу, обосновано (каждое из собранных доказательств является достоверным и допустимым, а в совокупности они достаточны для подтверждения обвинения), в уголовном деле не усматриваются данные о неопровергнутых версиях защиты, признаки применения незаконных методов расследования, оказания давления на обвиняемого [7. С. 59–60].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Гарантии права на справедливое судебное разбирательство, вытекающие из ст. 6 Европейской конвенции по правам человека, существенно ограничиваются при рассмотрении уголовного дела в особом порядке.

2. Право на справедливое судебное разбирательство не будет нарушено в том случае, если отказ от полноценного судебного разбирательства носит добровольный и осознанный характер и соответствует публичным интересам.

3. Право на справедливое судебное разбирательство при рассмотрении уголовного дела в особом порядке не будет нарушенным только при условии соблюдения в ходе досудебного производства по делу важнейших прав обвиняемого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О.И. Трубникова Т.В. Принятие судом решения о наличии в деянии лица злоупотребления правом и его последствия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 194–200.
2. Качалова О.В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2015. 204 с.
3. Безруков С.С. Принцип презумпции невиновности в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2011. № 1 (5). С. 13–19.
4. Панькина И.Ю. Ситуационный подход к реализации презумпции невиновности // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2011. № 1 (5). С. 72–76.
5. Мурашкин И.Ю. Реализация принципа презумпции невиновности в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 9.
6. Макарова З.В. Презумпция невиновности: прошлое и настоящее // Материалы международной научно-практической конференции «Уголовная юстиция. Связь времен». URL: <https://www.iuaj.net/node/434>. (дата обращения: 23.05.2019).
7. Беляев М.В. Судебные решения, принимаемые в особом порядке судебного разбирательства: механизм принятия и особенности содержания // Судья. 2018. № 10 (94). С. 54–60.
8. Беляев М.В. Свойства судебных решений в Российском уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2018. 184 с.
9. Тузов Н.А. Мотивирование и преюдиция судебных актов. М. : ПАП, 2006. 152 с.
10. Загорский Г.И. Постановление приговора. М. : Проспект, 2017. 207 с.
11. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М. : Юридическая литература, 1976. 168 с.
12. Гамбарян А.С. Отказ от реализации права и принудительная реализация процессуальных прав // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Юридические науки. 2019. № 2. С. 10–17.
13. Качалова О.В. Может ли состояние здоровья повлиять на рассмотрение уголовного дела в особом порядке // Уголовный процесс. 2019. № 2. С. 11–19.
14. Гамбарян А.С. Пассивное поведение (бездействие): использование субъективного права или отказ от реализации субъективного права // LEX RUSSICA. 2019. № 2. С. 29–40.
15. Качалова О.В. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека: уголовно-процессуальный аспект // Российское правосудие. 2015. № 4. С. 90–95.

Статья представлена научной редакцией «Право» 12 июня 2019 г.

The Right to a Fair Trial and a Special Procedure: Is There a Conflict?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 445, 197–202.

DOI: 10.17223/15617793/445/30

Oksana V. Kachalova, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: oksana_kachalova@mail.ru

Viktor I. Kachalov, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: okukel@yandex.ru

Keywords: right to fair trial; special procedure of trial; adversarial nature of criminal proceedings; waiver of right; presumption of innocence; European Convention on Human Rights.

The aim of the article is to determine the specifics of the right to a fair trial under Article 6 of the European Convention on Human Rights when considering a criminal case in a special order and to determine whether this procedural form is in conflict with the provisions of the European Convention. Having analyzed the content of the right to a fair trial and the peculiarities of the criminal case in a special order, the authors come to the following conclusions. The right to a fair trial includes such rights as: access to a court, including the right to a reasoned decision by a court, the right to an independent court, the right to qualified legal assistance, the right to a reasonable time in criminal proceedings, the right to a fair and public hearing in court in the presence of the accused, equality of the parties, the presumption of innocence, legal certainty, the right to access to information, the right to interview key witnesses, the right to free assistance of an interpreter, the right to have sufficient time and opportunity to prepare for the defence, the right to adversarial proceedings, etc. The main features of the special procedure of the trial are the reduction of the process of proof; the refusal of the accused from a full judicial procedure of the case; inspiration only by the person against whom the criminal prosecution is carried out. The principle of adversarial proceedings, with its inherent division of procedural functions, is at the heart of the special judicial procedure. The accused, who has filed a petition for consideration of their case in a special order, in fact, renounces the full exercise of their right to a fair trial. A waiver will be deemed to be such only if it is not necessary and it adequately reflects the will of the person claiming it. It means that the court before considering a criminal case in a special order has to be convinced of

the voluntariness and awareness of the petition for a special order. Taking into account the publicity of criminal proceedings as a sphere of resolution of the most acute social conflict caused by the commission of a crime, the waiver of the right to a full implementation of the guarantees provided for by the European Convention can be permissible only up to a certain limit. These limits are primarily determined by the purpose of criminal proceedings and the correlation of possible exceptions with the gravity of the acts committed and their public danger. The absence of violations of the right to a fair trial in a criminal case under a special procedure concerns the observance of all the guarantees provided in the course of pre-trial proceedings in a criminal case.

REFERENCES

1. Andreeva, O.I. & Trubnikova, T.V. (2019) A Court's Decision on the Presence of Abuse of Right in the Act of a Person and Its Consequences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 438. pp. 194–200. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/438/26
2. Kachalova, O.V. (2015) *Teoreticheskie osnovy uskorenogo proizvodstva v rossiyskom ugolovnom protsesse* [Theoretical foundations of expedited proceedings in the Russian criminal procedure]. Moscow: Yurlitinform.
3. Bezrukov, S.S. (2011) Printsip prezumptsii nevinovnosti v usloviyakh reformirovaniya ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [The principle of the presumption of innocence in the context of reforming the criminal procedure legislation]. *Byulleten' Mezhdunarodnoy assotsiatsii sodeystviya pravosudiya*. 1 (5). pp. 13–19.
4. Pan'kina, I.Yu. (2011) Situatsionnyy podkhod k realizatsii prezumptsii nevinovnosti [A situational approach to the implementation of the presumption of innocence principle]. *Byulleten' Mezhdunarodnoy assotsiatsii sodeystviya pravosudiya*. 1 (5). pp. 72–76.
5. Murashkin, I.Yu. (2014) *Realizatsiya printsipa prezumptsii nevinovnosti v osobom poryadke prinyatiya sudebnogo resheniya pri soglasii obviniaemogo s pred'yavlenym obvineniem* [Implementation of the principle of the presumption of innocence in a special court decision on a plea deal]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
6. Makarova, Z.V. (2010) [Presumption of innocence: past and present]. *Ugolovnaya yustitsiya. Svyaz' vremen* [Criminal justice. The connection of epochs]. Proceedings of the International Conference. [Online] Available from: <https://www.iaaj.net/node/434>. (Accessed: 23.05.2019).
7. Belyaev, M.V. (2018) Sudebnye resheniya, prinimaemye v osobom poryadke sudebnogo razbiratel'stva: mekhanizm prinyatiya i osobennosti soderzhaniya [Court decisions made in a special court procedure: adoption mechanism and features of the content]. *Sud'ya*. 10 (94). pp. 54–60.
8. Belyaev, M.V. (2018) *Svoystva sudebnykh resheniy v Rossiyskom ugolovnom protsesse* [Properties of court decisions in the Russian criminal procedure]. Moscow: Yurlitinform.
9. Tuzov, N.A. (2006) *Motivirovanie i preysuditsiya sudebnykh aktov* [Motivation and prejudice of judicial acts]. Moscow: RAP.
10. Zagorskiy, G.I. (2017) *Postanovlenie prigovora* [Sentencing]. Moscow: Prospekt.
11. Lupinskaya, P.A. (1976) *Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve. Ikh vidy, soderzhanie i formy* [Decisions in criminal proceedings. Their types, content and forms]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
12. Gambaryan, A.S. (2018) The waiver of subjective right and the enforcement of procedural rights. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Yuridicheskie nauki – Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*. 2 (33). pp. 10–17. (In Russian).
13. Kachalova, O.V. (2019) Mozhet li sostoyanie zdorov'ya povliyat' na rassmotrenie ugolovnogo dela v osobom poryadke [Can a state of health influence the consideration of a criminal case in a special order]. *Ugolovnyy protsess*. 2. pp. 11–19.
14. Gambaryan, A.S. (2019) Passive Behaviour (Omission to Act): Implementation of a Legal Right or a Waiver of Implementation of a Legal Right. *LEX RUSSICA*. 2 (29). pp. 29–40. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.147.2.029-040
15. Kachalova, O.V. (2015) Pravovye pozitsii Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka: ugolovno-protsessual'nyy aspekt [Legal Positions of the European Court of Human Rights: A Criminal Procedure Aspect]. *Rossiyskoe pravosudie*. 4. pp. 90–95.

Received: 12 June 2019